

Н. Н. Казанский

Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург),
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

ОБОЗНАЧЕНИЕ *НОВОГО* И *СТАРОГО*
В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ
(НА ИНДОЕВРОПЕЙСКОМ ФОНЕ)¹

Различия в значимости (маркированности) старого и нового для ранней культуры Балкан хорошо видны на примере противопоставления греческих образований с νεο- / νεα- и ἀρχαι- / παλαι-. Как отмечают Д. Адамс и Дж. Мэллори (Mallory, Adams 2006: 546–547), самым древним было противопоставление «новый νέωος и старый σέωος», что в свете современной праязыковой реконструкции выглядит как надежное и основное (Mallory, Adams 2006: 303). При этом перечисляются прилагательные и.-е. языков (лат. novus, ст.-слав. **новъ**, греч. νέφος, хетт. nēwas, авест. nava-, санскр. náva-, тох. В ñuwe, все со значением ‘новый’); кроме того, присутствуют суффиксальные образования также со значением ‘новый’ *néwuos, ср. англ. new, лит. naujas, ион. νεῖος, санскр. návuа-. Прилагательные *néwos и *néwuos восходят к наречию *nú ‘сейчас’ (Dunkel 2014: 577 сл.).

¹ Первоначальный текст «Особенности обозначения “нового” по отношению к “старому” (традиционному) в древнегреческой культуре» был прочитан в качестве доклада на 9-м круглом столе «*Старое и новое* в языках и культурах Балкан», организованном Центром лингвокультурных исследований Balcanica Института славяноведения РАН 26 марта 2024 г. Автор благодарен Е. Р. Крючковой и Н. Л. Сухачеву, внимательно прочитавшим текст статьи и сделавшим немало дельных замечаний. Особая благодарность А. С. Николаеву, чьи проницательные суждения во многих случаях помогли улучшить текст и чья деятельная помощь позволила учесть и использовать недоступные в России тексты новых исследований, опубликованных в последние годы.

Новое не следует понимать как прежде не бывшее; напротив, оно включало также описание важных действий, таких как обновление (сил природы, календарного года, фаз луны). Все эти случаи осмысления *нового* соотносились с ритуалами, на что справедливо указывал В. Н. Топоров, говоривший о значении *новой* песни: «В ежегодном ритуале это первособытие (= творение мира. — *Н. К.*) воспроизводилось, и пришедшие в упадок силы мира и жизни обновлялись, как бы усваивая жизненную силу того, что имело место в начале. Теперь начиналось новое начало, неразрывно связанное со старым первым началом...» (Топоров 2012: 79). Поскольку *новое* соотносится (как возникшее) с «сейчас», в отличие от старого, которое существует давно. Настоящее время можно продемонстрировать со словами «вот оно», поскольку оно происходит здесь и сейчас (*hic et nunc*), в отличие от старого, которое закончило существование в прошедшем времени, но иногда проходит перед глазами. Новое и старое так или иначе известны, в отличие от будущего (греч. τὸ μέλλον, букв. ‘то, что собирается случиться’), которому они противопоставлены как несуществующему.

Важно еще раз подчеркнуть, что древнее обозначение *нового* *νέος присутствует почти во всех и.-е. языках, включая греческий, при том, что противопоставленное ему *старое* выражается словами, которые могут отличаться как по ареалу распространения, так и по своей внутренней мотивации (ср.: *antiquus* ‘древность как прошлое, которое можно наблюдать’, *vetus* ‘старый’, восходящий к идее ‘прошлогодности’ и ‘ветхости’).

Как показывает *LSJ*, слов, в которых подчеркивается качество новизны, и поэтому они начинаются с *neo-*, в греческом языке обнаруживается не менее 200 (кроме того, композитов с *νεα-* ок. 30), в то время как для обозначения «старого» композитов меньше почти в пять раз²: *ἀρχαί-* встречается ок. 20 раз, а *παλαι-* — ок. 40. Идея старого как устаревшего приводит к созданию словообразовательных монстров, например, в «Осах» Аристофана (*Aristoph. Vesp.* 220) Бделиклеон мечтает услышать *ἀρχαίω-μέλι-σιδωνο-φρωνιχ-ήρατα* (scil. μέλι) — ‘любимые старые добрые, сладкие как мед, сидонские по Фриниху’³ песни.

² Сложных имен известно 25 (Νέων, Νέωνος, Νεοποιής, Νεωτάτη, Νεωτέρα, Νεωτέριος, Νεώτερος, Νεοβούλη, Νεογένης, Νεόδαμος, Νεοκλείδης, Νεοκλής, Νεόκριτος, Νεόκομος = Νοβουκκόμων, Νεοκύδης, Νεολαΐδας, Νεομήδης, Νεόπολις, Νεοπτόλεμος, Νεόστρατος, Νεότελης, Νεόφρων, Νεόφυτος).

³ Перевод «-древнесладко-» не содержит идеи устарелости, которую справедливо подчеркнул Адриан Пиотровский («дедовскую»), поскольку ко времени Аристо-

В русских переводах один из компонентов обычно опускают, ср. «Сидонодревнесладкофринихов напев» (пер. Н. И. Корнилова под ред. Ф. Г. Мищенко) или «Песнь дедовскую, Фринихо-Сидонскую» (пер. Адр. Пиотровского). К этим же образованиям (часто с пейоративными коннотациями) относятся ἀρχαίο-νομός ‘старомодный’, ἀρχαίο-πινής ‘с патиной древности’, но также и ἀρχαίο-πλοῦτος ‘богатый благодаря наследству’.

Можно думать, что подчеркивание архаичности, старого как устойчивого (или уже принципиально устаревшего) не случайно встречается реже, чем подчеркивание новизны, поскольку именно *новое* всегда определяет коммуникативно важную составляющую высказывания, поэтому приведенные выше примеры с начальными ἀρχαί- и παλαι- менее частотны. Они употребляются только чтобы указать на особую значимость древности и старости: не случайно идея старости (и старшинства) присутствует в обозначении совета старейшин: греч. γῆρῶν ‘старик’, мик. ke-ro-si-ja, лакон. γερουσία ‘совет старейшин’, лат. senex ‘старик’, senatus ‘сенат’. Именно этим я склонен объяснять многократное преобладание сложных слов, в первой части которых встречается νεα- или νεο- по сравнению с композитами, в которых в качестве первого элемента выступает ἀρχαί- и παλαι-. Известно также, что в античности нововведения в политической жизни зачастую маскировали под возвращение к седой старине.

Подчеркнутое внимание к новому, отраженное в лексическом составе — как на индивидуальном уровне, так и на социальном — не может быть случайным, как не может быть случайным и сохранение самого корня *нец-, имеющего безупречную индоевропейскую этимологию и сохранившегося едва ли не повсеместно. Обычно приводят хетт. nēwa-, санскр. náva-, мл.-ав. nauua-, греч. νέος, α, ον (мик. ne-wo, ne-wa /nēwos, nēwa/), лат. nouus, прус. nawans, тох. А һи, тох. В һиwe; с суффиксальным *-iо-: кельт. Novio-dunum, гот. niujis, n., ср. Дагмар Водтко (NIL: 524–526).

Этими же словами корня *нец- в повествовании могли подчеркнуть молодость героя. Так, эпитет νέος в Илиаде обычен при имени Гектора (Ил. 15, 423; 15, 693; 15, 704; 24, 725), а также употреблен с отрицанием,

фана *марафономахи* (Μαραθωνομάχη), спасшие Аттику от персидского нашествия в 490 г. до н. э., не выглядели достаточно убедительными судьями в современных им изящных искусствах. Словарь Лидделла, Скотта и Джонса переводит этот композит как «‘dear honey-sweet old songs from Phrynichus’ Phoenissae’», отмечая, что рукописи, впрочем, дают здесь не совсем исправный текст: «ἀχαῖα μέλι — codd.» (LSJ: 251).

когда Гермес говорит Приаму, везущему сокровища, чтобы выкупить тело Гектора, οὗτ' αὐτὸς νέος ἐσσί (II. 24, 368)⁴; в Одиссее столь же обычен эпитет νέος при имени Телемаха (Od. 4, 665; 16, 99; 9, 482; 9, 59; 16, 71, где сам Телемах говорит о себе αὐτὸς μὲν νέος εἰμι...). Интересен случай, когда переживший три поколения людей Нестор в обращенной к Агамемнону речи подчеркивает (относительную!) молодость Агамемнона, имея в виду разницу в их возрасте:

ἧ μὲν καὶ νέος ἐσσί, ἐμὸς δὲ κε καὶ πάϊς εἶη
 ὀπλότατος γενεῆφιν· ἀτὰρ πεπνυμένα βάζεις
 Ἄργείων βασιλῆας, ἐπεὶ κατὰ μοῖραν ἔειπες. (II. 9, 57–59)⁵.

Важно отметить возможность контекстуальной нейтрализации противопоставления νέος : παλαιός⁶, которая может осуществляться в трех разных случаях:

1) когда что-то происходит постоянно, ср. в микенском удвоенный локатив от основы **uet-es-/os*: *we-te-i we-te-i /wetehi-wetehi/* ‘из года в год’, или удвоенный аккузатив *a-mo-ra-ma /āmōr-āmār/ < *H₂eH_x-mṛ- H₂eH_x-mṛ-* ‘изо дня в день’⁷.

2) когда совершенно неважен возраст говорящего, будь он молод или стар, лишь бы предложил разумное решение. Уже в Илиаде, завершая свой ответ Одиссею, Агамемнон произносит:

νῦν δ' εἶη ὃς τῆσδ' ἔ' ἀμείνονα μῆτιν ἐνίσποι
 ἧ νέος ἢ παλαιός· ἐμοὶ δὲ κεν ἄσμένω εἶη. (II. 14, 108).

Муж да предстанет и лучший совет моего да предложит;
 Юноша он или старец — равно мне приятен он будет. (II. 14, 108).
 (Пер. Н. И. Гнедича)

⁴ οὗτ' αὐτὸς νέος ἐσσί, γέρον δὲ τοι οὗτος ὀπηδεῖ,
 ἄνδρ' ἀπαμύνασθαι, ὅτε τις πρότερος χαλεπήνη.

Сам ты не молод, и старец такой же тебя провожает.
 Как защитишься от первого, кто лишь обидеть захочет? (II. 24, 368).
 (Пер. Н. И. Гнедича)

⁵ Молод еще ты и сыном моим, без сомнения, был бы
 Самым юнейшим; однако ж, Тидид, говорил ты разумно
 Между аргивских царей: говорил бо ты все справедливо. (II. 9, 57–59).
 (Пер. Н. И. Гнедича)

⁶ Уже в микенском возраст овец, то есть живых существ, определяется этим словом.

⁷ Возможна также интерпретация, предложенная А. Лейкартом /āmōr-āmār/ по типу наречного νύκτωρ ‘ночью’ (Leukart 1994). О древнем аккузативе времени и о перекличках таких «обстоятельственных значений», см.: Десницкая 1984: 79.

3) Третий случай объединения *старого* и *нового* подчеркивает их единство как суммы знаний высокообразованного человека, укорененного в традиционной культуре, но отнюдь не чуждого всего современного: знал всё — и старое, и новое.

Я приведу один пример из Энния, для которого проблема традиционного римского и нового, обязанного влиянию Греции, стояла достаточно остро, причем Энний видел важные достоинства такого объединения знаний, свидетельствующего о широте кругозора и о глубоком понимании дел. Идеальный гражданин Энния⁸ в цитируемом Авлом Геллием (*Aul. Gel. N. A. 2, 4, 4–5*) описании показан как собеседник — немногословный, но всегда говорящий дело⁹, способный понять полководца и политика Сервилия. Энний характеризует его так:

scitus, secunda loquens in tempore, commodus, uerbum
 raucum, multa tenens antiqua, sepulta uetustas
 quae facit et **mores ueteresque nouosque** tenentem¹⁰,

Как можно видеть, речь идет о современной норме нравственности и об обычаях, отражающих устаревшие нормы поведения, то есть скорее имеются в виду не собственно нравы, а обычаи, понимание кото-

⁸ Уже в античности высказывалось мнение, согласно которому в роли «идеального гражданина» Энний изобразил самого себя: *L. Aelium Stilonem dicere solitum ferunt Q. Ennium de semet ipso haec scripsisse picturamque istam morum et ingenii ipsius Q. Ennii factam esse.* — «Говорят, что Луций Элий Столон имел обыкновенные утверждать, что Квинт Энний написал это о самом себе, и что эта картина отражает нравы и характер самого Кв. Энния» (см.: *Enn. Ann. VII, 234–251. Vahlen (Ennianae poesis reliquiae iteratis curis recensuit Iohannes Vahlen. Lipsiae: in aedibus Teubneri, 1903)*).

⁹ haec locutus uocat, quocum bene saepe libenter
 mensam sermonesque suos rerumque suarum
 †comiter impertit, magnam cum lassus diei
 partem fuisset de summis rebus regundis
 consilio indu foro lato sanctoque senatu;

Вымолвив так, он зовет того, с кем часто, охотно
 стол свой, и речи свои, и дела любезно делил он
 Всякий раз, когда был утомлен, когда проводил он
 Большую часть в совещаньях о высших делах государства
 Или в сенате святом, иль на форуме шумном, широком.

(Пер. М. Л. Гаспарова)

¹⁰ Был в обращенье хорош и скуп на слова; говорил он
 К месту всегда: знал он много о том, что в веках отошедших
 Люди свершили, и знал старинные, новые нравы,
 Также законы богов и древних людей.

(Пер. М. Л. Гаспарова)

рых — вне зависимости от их древности — требуется от государственного деятеля.

Можно не сомневаться в том, что многие инновации с течением времени превращались в устойчивые традиции, что находило отражение и в общественных взглядах. В индоевропейских языках широко распространены производные от основы *senos ‘старый’ (ср. др.-ирл. sen ‘старый’, лат. senex ‘старик’, гот. sinistra ‘старший’, лит. sėnas ‘старый’, греч. ἔνος ‘первого года, однолетний’, арм. hin ‘старый’, авест. hana- ‘старый’, санскр. sána- ‘старый’).

* * *

В древнегреческой культуре традиционное противопоставление νέος — παλαιός содержит важную языковую инновацию. Слово παλαιός не имеет надежной этимологии, хотя его употребляли уже в микенских текстах (pa-ra-jo)¹¹, а позднее оно входит во все сферы номинации, включая именные композиты и даже топонимы. В старых этимологических словарях отстаивали этимологию, основанную на реконструкции лабиовелярного в начале корня (как в τῆλε, корень *k^hel-) и суффикса *-u-. Микенский материал потребовал отказаться от обоих предположений. В настоящее время наиболее удачным представляется предложенное Дж. Чедвиком восстановление праформы *plH₂-ei (Chadwick 1976), что семантически предполагает «исполненность», а морфологически восходит к застывшей форме дательного падежа πάλαι, отличающейся от наречий χαμαί, παραί только ударением (Beekes 2010: 1145).

Развитие представлений о старом и новом в послемикенское время на материале эпических и лирических греческих текстов подробно рассмотрел М. Трой (Treu 1968: 127 sq.), который в качестве важной особенности отметил противопоставление παλαιός — νέος в самом широком смысле. Для обозначения лиц обычно употребляют прилагательные γεραιός и γηραιός, часто с оттенком уважительности, а не παλαιός, которое само по себе более нейтрально (в отличие от прилагательного ἀρχαῖος, которое содержит намек на старомодность и примитивность). В классическое время встречается обозначение ἀρχαῖος καὶ παλαιός (Lys. 6, 51, D. 22, 14)¹². Внутренняя форма прилагательного παλαιός опреде-

¹¹ Прилагательное pa-ra-jo определяет как живых существ (овцы в серии PY Cn), так и старые колеса (в серии PY Sa) и даже шерсть (TH Of), как предполагают, прошлогоднюю (Aura Jorgo II: 80).

¹² DELG: 851.

ляется на основе идеи «исполнения» (корень *rH₂-, следуя интерпретации Дж. Чедвика), что обнаруживает некоторые типологические подтверждения в ряде языков, включая русский.

Интерпретация формы прилагательного ἄρχαῖος требует более пристального внимания, хотя правдоподобно, что в основе также лежит идея «старого» как «изначального» (ср. Beekes 2010: 146). Значение глагола ἄρχω ‘начинать, начальствовать’ представляет собой метафорический перенос, возникший из первоначального значения ‘быть первым (по рангу), находиться в начале’. С точки зрения морфологического состава вслед за Клингеншмиттом основу ἄρχω резонно рассматривать как содержащую древний суффикс *-sk'e/o-, присоединенный либо к корню *h₂r- ‘соединять’, либо к *reg^h- (LIV²: 240), либо (Е. Tichy) к *h₂rg^h- (литературу см. Beekes 2010: 146). Беекес отмечает, что необходимо реконструировать *h₂rg^h-, поскольку и.-е. корень не мог начинаться прямо с *r- (cf. Beekes 1995: 148). Презентная основа ἄρχω могла развить метафорическое значение, производное от ‘начинать, вести, служить началом’.

Не следует исключать и менее правдоподобные изначальные семантические связи со словами, обозначающими первое лицо в социуме, хотя уже давно предполагалась связь с греческим ὄρχαμος ‘командующий’, а Матцингер в 2000 году (Matzinger 2000: 287–288) сопоставил ἄρχων с армянским ark'ay ‘царь’. Эти сопоставления, однако, остаются без надлежащего обоснования, поскольку морфологический состав слова ὄρχαμος неясен (предлагали сопоставление с мик. o-ka /orkhā/ ‘отряд’, при этом -m- интерпретировали как суффикс суперлатива, см.: Frisk 1970: 432; DELG 830). Правдоподобно, следуя за Клингеншмиттом видеть здесь тот же корень, что и в ἄριστος (ср.: Schaffner 2021: 390; Nikolaev 2022: 555).

Идея *соединения*, которую Р. Беекес видел в глагольной основе ἄρχ-, несомненно, обязана своим появлением сопоставлению с корнем *H₂r-, производные которого передают на уровне словообразовательной семантики *соединение и слаженность конструкции*, будь то ἀραρίσκω ‘прилаживать, соединять’, ἄρθρον ‘сустав’, ἄρθρον ‘рало’, и проч. В последнее время к этому гнезду слов Александр Лома добавил ст.-слав. **одръ**¹³, как семантически обозначающее сложную составную конструкцию, отличающуюся от *лежанки*. Это интересно, в частности, еще и потому, что позволяет по-иному взглянуть на словообразовательное значение суф-

¹³ Лома 2017: 23, № 2, 171–197.

фиксов *-d^hlo- и *-d^hro-. От одного и того же корня мы имеем орудие *N₂r-d^hlo- ‘рало, инструмент для обрабатывания земли’ и составную конструкцию, инструментом не являющуюся, но обозначающую ‘прилаженный предмет, годный для лежания и для переноски лежачего’: *N₂r-d^hro- > *or-d^hr > ОДРЪ.

По той же словообразовательной модели, что и глагол ἄρχω (с тем же суффиксом *-sk’e/o-) был образован глагол γηράσκω ‘стареть’, выражающий скорее продолжающееся действие или состояние, например, ‘стареющее вино’, приобретающее необходимую выдержку, или ‘стареющий человек’, не столько приобретающий старческие черты, сколько стареющий телесно, но не теряющий душевной бодрости, ср. у Солона γηράσκω δ’ αἰεὶ πολλὰ διδασκόμενος (Solon fr. 18 West = fr. 28 Gentili-Prato). Такое же значение имеет латинский глагол ueterāscō (Ernout, Meillet 2001: 730). Глагол γηράσκω может служить любопытной параллелью к глаголу ἄρχω благодаря тому же суффиксу, впрочем, уже потерявшему свою узнаваемость. При этом лексическая семантика ἄρχω сохраняет значения ‘начинать’, ‘быть первым’, ‘начальствовать’ (отсюда ἄρχων ‘правитель’), ‘быть зачинщиком’, ‘быть причиной действий’, ‘быть инициатором действий’ и т. д.

Как можно заметить, все приведенные обозначения первоначально, скорее всего, не имели отношения ни к идее старости, ни даже к идее времени, поскольку *начало* и *исполнение* к идее времени не имеют прямого отношения. Необходимо обратить внимание на удивительный разброс семантики у производных от корня *N₂r-, несопоставимый с достаточно прямолинейным и однонаправленным развитием значений и.-е. корней *цет- и *sen-, в разных ареалах одинаковым образом сохраняющих устойчивую связь значений ‘старый’ и ‘год’. При этом давно отмечено, что в тех языках, где корень *цет- имеет значение ‘год’, у него, как правило, отсутствует значение ‘старый’: хетт. wett-/witt ‘год’ (gen.sg. /wet-s/, dat.-loc. ú-i-it-ti), но санскр. par-út (с окситонезой, свойственной наречиям), греч. λέρυσι ‘в прошлом году’ < *per-ut + i (<— *per цет + i). Последнее по времени подробное рассмотрение см. в: Neri 2017: 187–190.

Совпадение значений ‘старое’ и ‘годовой давности’ может основываться только на противопоставлении нового урожая урожаю прошлого года. Так, лат. vetus (одновременно и прилагательное, и существительное) может обозначать новое вино прошлого года¹⁴ vetus, vetustum vinum ‘ста-

¹⁴ Ср. «le vin de l’ancienne année, c’est-à-dire de l’année précédente» (Ernout, Meillet 2001: 730).

рое вино', которое противопоставлено *novum vinum*. Архаическая формула, упоминаемая у Варрона *novum vetus vinum bibo, novo veteri [vino] morbo medeor* показывает важность нового выдержанного вина: «пью новое старое вино, лечусь от болезни старым новым вином».

Заметим в скобках, что подобный ход мысли, предполагающий отождествление прошлогоднего (годового) со старым, отражает скорее взгляды представителей оседлого земледелия, нежели скотоводов, для которых годовалое животное никак в категорию *старого* попасть не может. Годовалое животное могли обозначать производными от того же корня **uet-* 'год', ср. санскр. *vatsá-* = 'теленок, маленький ребенок' (Ernout, Meillet 2001: 730), а также гот. *wifrus* 'ягненок'. Дж. Рау склонен видеть в прагерманском **uetru-* 'годовалый' делокативное образование, включавшее следы древней локативной формы на *-en и -er, ср. **H₂us(s)-ér* 'на заре' → **H₂eus(s)r-* 'заря' → **H₂eus(s)ró-* 'принадлежащий заре' → **H₂eus(s)r-eH₂* 'то, что относится к заре' или **g'héim-en* 'зимой' → **g'héim-en-tó-* 'зимний' > вед. санскр. *hemantám* 'зимнее время' (Rau 2007: 290).

Особую проблему представляет собой интерпретация греческого наречия *véōta* «в будущий или на следующий год» (ср. *εἰς véōta* Simon. Iamb. I.9 и *τὰ μὲν vōv, τὰ δ'εἰς véōta* Theophr. H.P. 9.11, 9). Традиционно данное слово понимают как композит, по внутренней форме 'в новом году', что отражено уже в ранних изданиях словаря Лидделла-Скотта (LS: 1002): «*Prob. for véō-Feta*, cf. *λέρυσι*, *Dog. λέρυσι*». Беекес отмечает, что слово не имеет убедительной этимологии, а традиционное толкование *véos* и *étos* 'год' неспособно объяснить появление -ω-. Вслед за П. Шантреном Р. Беекес¹⁵ склоняется к возможности вывести форму из датива *veō(i)etei* с заменой на частый у наречий исход на -та (ср. *έλειτα* и др.). Сопоставление с *veótatos*, как кажется, способно объяснить *omegu* как зависящую от ритмического закона де Соссюра, а саму форму — последующим гаплогогическим упрощением *és veótata étta* > *és veótata tà étta* > **véōta tà étta* > *véōta*. Это тем более вероятно, что употребление аккузатива для обозначения времени хорошо известно в разных и.-е. языках¹⁶.

¹⁵ «Without a convincing explanation. The word *véōta* is traditionally analyzed as a compound of *véos* and *étos* 'year' <...> assuming that *veō* was abstracted from **veō(i)etei*, and that adverbial -та (as in *έλειτα*, etc.) was added later» (Beekes 2010: 1014–1015).

¹⁶ Иное объяснение формы аккузатива представлено у С. Нери (Neri 2017: 187 note 392), который вслед за А. Нуссбаумом, Э. Рикен и Р. Липпом выводит интересующую нас форму из древнего асс. sg. **uót-ṛ* с аналогическим удлинением корневого гласного **нецо-ṛót-ṛ* по форме номинатива **uōs* < **uót-s*.

Основа *sen-(o)- со значением ‘старый’ представлена в латинских производных *senex*, *senis* ‘старик’, *senior* ‘старший’, *senēre* ‘быть старым’, *senātor* ‘член сената как совета старейшин’ (de Vaan 2008: 553–554). Из латинского в оскский были заимствованы *senateis*, *senateis* (род. пад.) ‘сенат’, др.-ирл. *sen*, др.-валл. *hen* ‘старый’ (Falileyev 2000: 82) в составе композита *hendat m* [*hendad*], ср.-валл. *hentat*, *hendat*, *hendad*; др.-брет. *hentatot gl. paternus auus* (?); др.-корн. *hendat gl. auus* ‘дед (со стороны отца?)’ составлено из *sen- ‘старый’+ *tat* (< *tata детское слово для обозначения отца), санскр. *sána-*, авест. *hana-* ‘старый’. Греч. *ἔνος*, *η*, *ον* известно только в формах косвенных падежей (LSJ: 572 *ἔνος* B) *ἔνη*, *ἔνηφι ἔνηι*, *ἔνην* в контексте Hes. *Op.* 770, который толкуют как ‘относящийся к предыдущему периоду’. Беекес толкует слово как ‘старый, несвежий, прошлогодний’ (Beeekes 2010: 521), арм. *hin*, лит. *sėnas*, лтш. *senš* ‘старый’ < *sen-o-, гот. *sineigs* ‘старый’, *sinista* ‘старейший’.

Понимание *ἔνος* как ‘старый’ отражено уже в словарях (*ἔνην· τὴν παλαιὰν Suda*), но следует иметь в виду, что противопоставление новому представлено только в определенных выражениях о плодах и магистратах прошлого года (*ἔναι ἀρχαί*), а также о последнем дне прошедшего месяца. Этот день считался первым днем месяца, с которого начинается новый период времени. Определение *ἔνη* (форма с псилозой?); встречается уже у Гесиода (Hes. *Op.* 770: *πρῶτον ἔνη τετράς τε καὶ ἐβδόμη ἱερὸν ἦμαρ* «Дни священные: день перед первым числом и четвертый» (пер. В. В. Вересаева). В последнем смысле чаще всего *ἔνη καὶ νέα scil. σελήνη* или *ἡμέρα* букв. ‘старый и новый (день/месяц)’.

Предполагали, что в латинском языке атематическая основа *sen- заменила тематическую основу *sen-o-. Де Ваан (de Vaan 2008: 554) справедливо считает такое словообразовательное развитие маловероятным, но не исключает переход основы из тематического склонения в основы на -i- под влиянием антонимичного *iuvenis*, то есть прилагательное *senilis* может восходить к древнему *sen-o- (ср. *puerilis*, *servilis*, etc.).

Отдельного упоминания заслуживает предположение, согласно которому основа *sen-o- способствовала появлению суффиксального *-п-у прилагательного *iuvenis* (аналогическое влияние антонима), как это предполагал уже А. Мейе. Тем самым получается недвусмысленное развитие антонимов в единой связке, допускающей выравнивание то по одному слову, то по другому. Идею А. Мейе о родстве праслав. *junь, junьсь с лит. *jáunas* ‘молодой’, лтш. *jaūns* ‘т.ж.’, *jaunikis* ‘жених, молодой’, санскр. *yuvan-*, *yūnas* ‘молодой, юноша’, авест. *yuuan-*, *yūnō*, лат.

iuvenis, iūnior, iuvenicus ‘молодой бычок’, гот. *juggs* принял М. Фасмер, отметивший, что балто-славянский вокализм соответствует сравнительной степени, а формант *-по-, вероятно, заимствован из формы антонима *senos ‘старый’ (Фасмер 4: 531). Принял это решение и О. Н. Трубачев, хотя и оговорил специально, что никаких следов индоевропейской основы *seno- в славянских языках не сохранилось (ЭССЯ 8, 196).

Как уже было отмечено, основа *sen-o- в греческом языке сохраняет еще следы значения ‘прошлого года’ (плод, магистрат), что позволяет думать о семантическом превращении ‘годовой давности’, ‘прошлогодний’ > ‘старый’. В латинском языке эта основа применяется преимущественно к человеку, а не к предметам. Эрну и Мейе опираются на пример из Катона (*Cato Agr.* 2, 7): (*pater familias*) *vendat boves vetulos, plostrum vetus, ferramenta vetera, servom senem* — «Пусть (хороший хозяин) продаст старых волов, старый плуг, старые бороны¹⁷, старого раба», где прилагательные *vetus* и *uetulus* обозначают попортившееся от времени или износившееся, то есть то, что перестало быть новым (*nouus*). Напротив, *senex* просто указывает на возрастную категорию (пожилой раб, противопоставленный юному — *iuvenis*) (Ernout, Meillet 2001: 730)¹⁸.

В отличие от этой общеизвестной и широко представленной в индоевропейских языках основы, восстанавливаются слова, которые представлены менее широко и которые Д. Адамс и Дж. Мэллори называют региональными («regional words»), например, корень *H₁en-, который вычленяется с большим трудом, и в котором засвидетельствовано семантическое развитие, сходное с корнем *sen-.

В число производных от корня *H₁en- ‘год’, в частности, входят ср. греч. композиты с -ἔνος ‘год’, лит. *rép-n-ai* ‘в прошлом году’, гот. *fairns* ‘прошлый год’ и сохранившееся в русских диалектах *ло-ни* ‘прошлого года’ (Mallory, Adams 2006: 303), а также в чешском *loni*.

Против необходимости реконструировать корень *H₁en- выступал Освальд Семереньи (Szemerényi 1987: 1201–1205), считавший, что «the alleged base-work *en- ‘year’ is non-existent». В настоящее время точку зрения Семереньи упоминают, но замечательный разбор восходящих

¹⁷ В ряде контекстов *ferramenta* имеется в виду борона (*groma*), состоящая из отдельных шипов (ср. OLD: 690), но так могли обозначать и любые сельскохозяйственные орудия. М. Е. Сергеев переводила как «железный лом, дряхлого раба, болезненного раба, продать вообще все лишнее».

¹⁸ «*vetus et uetulus désignent ce qui est détérioré, diminué par l’âge et s’opposent à nouus; au contraire. senex indique simplement une classe d’âge qui s’oppose à iuvenis*» (Ernout, Meillet 2001: 730).

к этому корню греческих слов (др.-гр. *πρᾶτῆνιος*, *ῆνις*, *ἐνιαυτός* и проч.) в статье Жана-Луи Перпию¹⁹ (Perpillou 2002: 233–241, особенно с. 237–238, посвященные полемике с точкой зрения Освальда Семереньи), позволяет, как кажется, восстанавливать праиндоевропейский корень *H₁ep- с достаточной уверенностью, хотя не все примеры в должной мере прозрачны. Так, Беекес (Beekes 2010: 426) отмечает неясное происхождение греч. *ἐνιαυτός* [m.] ‘годовщина, год’ (II.) и производных от него *ἐνιαύσιος*, дельф., кос. *ἐνιαύτιος* ‘годовальный, длящийся год, ежегодный’ (π 454), *ἐνιαυσιαῖος* ‘протяженностью в год’ (Aristot., ср.: Chantaigne 1933: 49); деноминативный глагол *ἐνιαυτίζομαι*, *-ίζω* ‘проводить год’ (Plato Com.). Вслед за Фр. Бехтелем (cf. Bechtel 1914: 125) обычно полагают, что значение ‘год’ возникло позднее по сравнению с (‘годичностью, годовалостью’). В плане словообразования для сравнения привлекают *κοι-ορ-τός*, *βου-λυ-τός*, etc. (Schwyzer 1939: 501).

Как представляется, тот же корень содержится в слове *ἔνος* ‘год’ (Sch. Theocr. 7, 147), которое засвидетельствовано в ряде композитов: *δίενος* ‘двухлетний’ (Theophr.), *ἐπτάενον· ἐπταετῆ* (Hesych.), *τετράενος* (Callim.); и с основой на -s в *τετράενες* [n.] (Theocr. 7, 147), *ὑλ-ενες· εἰς τετάρτην* (Hesych.). За пределами греческого языка то же слово, как отмечает Р. Беекес, возможно (also perhaps), представлено в балтийских и германских, например, в лит. *pēt-n-ai* ‘в прошлом году’ (< **per-h₁n-*) с акутом, восходящим к ларингальному. К этому корню возводят также старославянское **лани**, древнерусское **лони** (с сер. XII в. — Зализняк 2004: 322)²⁰, следы которого сохраняются еще в современных русских диалектах, где помимо широко представленного *лони́*, *лани́* со значением ‘давно, в прошлом году’ представлены также прилагательные *лонéцкий*, *лонéшний*, *лони́льный* ‘прошлый (о годе)’. Значение ‘в прошлом году’ присутствует в качестве основного в *лони́сь* (онеж., карел., олон., пск.); дальнейшее семантическое развитие представлено в *лондáсья*, *лонды́* ‘когда-то давно’ с трогательным *лони́сенько* ‘недавно’ (Белоз. Новг.); в костромских говорах с совмещением значений ‘давно’ и ‘не-

¹⁹ Завершая полемику с О. Семереньи, Перпию делает однозначный вывод: «À ce niveau ancien il faudrait donc poser une structure **per-h₁n-* pour les formes d’adverbe et d’adjectif des langues baltiques et du gotique: ce n’en est pas la seule explication possible, mais c’est celle qui ne les laisse pas isolées» (Perpillou 2002: 239).

²⁰ Ср.: грамота № 705 первой половины XIII в.: «...азъ быле лони наделане а ныне быхо посолале...» (Зализняк 2004: 422); грамота кон. XIII — нач. XIV в.: «... а ото в лонихъ в недоворехъ в нинишнихъ...» (Зализняк 2004: 529, № 463). Здесь же **лонцини борницъ** — ‘прошлогодний сборщик податей’.

давно' (лондысь, лóнесь). Интересно семантическое развитие наречия лоне 'в прошлый раз', в котором нейтрализуется еще более отчетливо противопоставление 'давно' и 'недавно' (СРНГ 17: 126–128). Этимология здесь бесспорна: лоні < *ol-ni 'в прошлом году'²¹; тот же корень представлен и в гот. *fram fair-nin jera* 'от прошедшего года'²².

По мысли К. Бругмана (Brugmann 1903–1904: 87–93), восходящей еще к определению в *Etymologicum Magnum* (EM Kallierges: 342, 28), но принятой многими современными исследователями, в основе слова может лежать глагол ἐνιαύω, отражающий идею солнцеворота (солнцестояния). Образование ἐν-ι-αυ-τός с суффиксом -то- от основы презенса при любом объяснении остается неожиданным. Также не все согласны с такой интерпретацией литовского répnaĩ, где акутовая интонация хорошо выводится из *H₁n-, но если трактовать -n- в répnaĩ просто как суффикс, придется, помимо всего прочего, постулировать отсутствие корня в данном слове.

Между тем, если думать о корне *H₁en- и корне *sen- не просто как о синонимичных, можно предполагать, что различие между ними заключается только в отсутствии / присутствии *s-mobile и реконструировать для праиндоевропейского состояния единый корень *s-H₁en-, как мы это делаем для греч. μικρός / σμικρός в аттическом диалекте. Старая идея Стертеванга, которую полностью разделяли Генри Хенигсвальд и Норберт Эттингер, относительно *s-mobile перед ларингальными, в настоящее время сохраняет привлекательность благодаря простоте и изяществу интерпретации: хетт. sākuwa- возводят к корню *H₃ek^u- с s-mobile, то есть *s-H₃ek^u-H₂ (или от *sek^w-, ср. пра-герм. *seχ^wan 'видеть' — Kloekhorst 2008: 813), а šankuwāi- 'ноготь' < *s-H₃ng^h-u-. Клюкхорст видит слабость этого объяснения в том, что, как правило, индоевропейское *-k^w- не отражается в хеттском написании просто как -ku-. А. С. Николаев (per e-litteras) считает это возражение преодолимым: «Эту проблему можно решить, поскольку анат. [kw] подвергнется лениции после долгого гласного, *sōgwo- < *(s_h)ókwo-».

²¹ Дж. Дункель (Dunkel 2014: 592) рассматривает как относящееся к индоевропейскому локативу *ól-neĩ с темпоральным значением 'некогда'.

²² Вторая часть греческого слова ἐν-ιαυ-τός образована или от основы презенса ιαύω, как думал А. Мейе, или от глагольного корня (ср. κοι-ορ-τός, etc.). В этом последнем случае -ι- должно представлять собой соединительный гласный: ἐν-ι-αυ-τός (Schwyzler 1939: 424³, 448). Последнее казалось Беекесу маловероятным, как и общая семантика (что-то вроде «годовая пауза»?).

С приведенными греческими примерами с корнем **H₁en-* Беекес предлагал сравнить также слово ἦνις (в рукописях; я вслед за П. Шантреном предпочитаю читать nom.sg. как ἦνις), засвидетельствованное как эпитет к приносимым в жертву коровам. Это слово встречается всего пять раз у Гомера и один раз у Аполлония Родосского (gen.sg. ἦνιος А.Р. 4, 174). Неожиданно, что у Гомера обе формы встречаются только в почти дословно повторяющихся контекстах, что обычно считается прямым свидетельством фольклорного начала. В VI песни Илиады три раза повторяется дословно один и тот же текст, говорящий о том, какие действия следует предпринять. Сперва, в II. VI 87–98 это часть речи Гелена, состоящая из одного предложения, перечисляющего последовательность необходимых действий: прихода в храм, открывания дверей ключом, расстилания прекрасного покрыва на коленях статуи Афины и принесения ей дюжины телок в жертву, чтобы та умилостивилась²³ и спасла город от Диомеда.

Дж. Керк (Kirk 1990: 166) отмечает, что предложение такой длины не может быть унаследовано из устной поэзии; что описание храма на акрополе находит многочисленные археологические подтверждения в разных частях греческого мира в слоях геометрического периода греческой архаики. При этом приношение животных внутри храма Керк считает возможным трактовать вслед за комментариями Амейса и Хентце расширительно, включая в *храм* весь храмовый участок (*теменос*)²⁴.

καὶ οἱ ὑποσχέσθαι δυοκαίδεκα βοῦς ἐνὶ νηῶ
ἦνις ἠκέστας ἱερευσέμεν, αἶ κ' ἐλεήσῃ
ἄστυ τε καὶ Τρώων ἀλόχους καὶ νήπια τέκνα, II. 6 94

²³ Ср. αἶ κ' ἐλεήσῃ(ς), в основе которого лежит деноминативный глагол ἐλεέω, аог. ἐλεῆσαι 'проявить жалость, пожалеть'.

²⁴ Приведем описание этой ситуации в переводе Н. И. Гнедича:

- Гектор, но ты поспеши в Илион и совет мой поведай
Матери нашей: пускай соберет благородных тройнок
В замок градской, перед храм светлою Паллады богини.
Там, заключенные двери отверзая священного дома,
90 Пышный покров, величайший, прелестнейший всех из хранимых
В царском дому, и который сама наиболее любит,
Пусть на колени его лепокудрой Афины положит.
Пусть ей двенадцать крав, однолетних, ярма не познавших,
В храме заклать обрекается, если, молитвы услыша,
95 Град богиня помилует, жен и младенцев невинных;
Если от Трои священной она отразит Диомеда,
Бурного воя сего, повелителя мощного бегства,
Мужа, который, я мыслю, храбрейший в народе ахейском!

Пусть ей двенадцать крав, однолетних, ярма не познавших,
 В храме заклать обрекается, если, молитвы услыша,
 95 Град богиня помилует, жен и младенцев невинных;

ῥφρά τοι αὐτίκα νῦν δυοκαίδεκα βοῦς ἐνὶ νηῶ
 ἦνις ἠκέστας ἱερεύσομεν, αἶ κ' ἐλεήσης
 ἄστῦ τε καὶ Τρώων ἀλόχους καὶ νήπια τέκνα. II. 6 309

Ныне ж двенадцать крав однолетних, ярма не познавших,
 В храме тебе мы пожертвуем, если, молитвы услыша,
 310 Град помилуешь Трою, и жен, и младенцев невинных!

καὶ οἱ ὑποσχέσθαι δυοκαίδεκα βοῦς ἐνὶ νηῶ
 ἦνις ἠκέστας ἱερευσέμεν, αἶ κ' ἐλεήση
 ἄστῦ τε καὶ Τρώων ἀλόχους καὶ νήπια τέκνα, II. 6 275

И двенадцать крав однолетних, ярма не познавших,
 275 В храме заклать обрекайся ты, если, молитвы услыша,
 Град богиня помилует, жен и младенцев невинных;

(Пер. Н. И. Гнедича)

Некоторые языковые особенности данного текста также не позволяют датировать встречающиеся выражения временем, предшествующим архаике. Так, для микенской поры невозможны *δυοκαίδεκα βοῦς* и *ἀλόχους καὶ νήπια τέκνα*, поскольку союз *καὶ* в микенском греческом не существовал. Для выражения *ἄστῦ τε καὶ Τρώων ἀλόχους* можно, как это обычно делают в таких случаях, подозревать, что за *τε καὶ* прежде стояло *ἰδή*, поскольку такие варианты в греческом эпосе достаточно хорошо известны, метрически эквивалентны, неотличимы по семантике и явно более архаичны. Подчеркнем, что *δυοκαίδεκα* микенским быть не может, однако завершение стиха *βοῦς ἐνὶ νηῶ* // допускает микенскую реконструкцию: **g^uons eni nāṓi* //. Само слово для храма, возможно, уже засвидетельствовано в микенских текстах (ср. PY Jn 829.3 ka-ko na-wi-jo /khalkos nāṓios/ иногда понимается как ‘корабельная медь’²⁵, а иногда как ‘храмовая’). То есть последовательность **g^uons eni nāṓi* // *ēnins pē-kénstans hierēu-s-ēmen /-ōmen* ... допускает достаточно раннюю реконструкцию.

²⁵ Оба толкования с формальной точки зрения безупречны, что затрудняет выбор. Последняя из известных мне специальных работ принадлежит Маурицио Дель Фрео и содержит подробную библиографию предшествующих исследований и важное предположение, касающееся возможного изготовления наступательного оружия для торговых судов, которые превращают в военные корабли (Del Freo 2005).

Начало строки с ἦνις ἡκέστας содержит поразительные нарушения метрики. В ἦνις ἡκέστας всё искусственно: удлинение ἦ- в ἦνις²⁶ и попытка увидеть в этой форме accusativus pluralis на *-ins. Против выступал Освальд Семереньи (Szemerényi 1987: III 1201–1205), считавший, что «The current assumption of a feminine ἦνις is unacceptable, first because the tradition gives ἦνις, secondly because the vrddhied feminine would have to be in -ἰαν, and thirdly because the alleged base-work *en- ‘year’ is non-existent». Свою точку зрения он пояснил в примечании (Szemerényi 1987: 1205, note 39): «If we were prepared to admit a *vr̥kī*-type feminine, the accusative would still be ἡνίδα or ἦνις, like γλαυκῶπιδα and γλαυκῶπις, and not ἦνιν». И завершает: «Now we are seen that the usually assumed meaning ‘a yearling’ is pure guess-work, based on the falsely extracted (Attic!) ἔνος ‘year’» (Szemerényi 1987: 1205). Представляется, тем не менее, возможным настаивать на семантике годичности, а также исходить из основы на *-ī, что делал в своем описании гомеровской грамматики П. Шантрен, постулируя основу *(s)H₁ēni-iH₂-.

При этом нельзя не отметить, что самое сильное нарушение представлено в форме ἡκέστας прилагательного трех окончаний κεστός (если действительно в основе лежит глагол κεντέω ‘колоть’, от которого с произвольным удлинением начальной alpha privativum образовано ἡκεστός), которое Вейсман (Вейсман 1991: s. v.), следуя толкованию античных схолиев, переводил как ‘не испытывавший бодца’ (то есть ‘стрекала’), ‘не бывший под ярмом’. Метрическое удлинение *ā-privativum* в ἡ- (вместо *ā- как в прилагательном *ἄ-θάνατος) не имеет параллелей²⁷, в отличие от реконструируемого *νῆκεστός (ВК 2008: 41). Начиная с текстов крито-микенской эпохи, двусоставные имена прилагательные, как правило, были прилагательными двух окончаний.

Выражение βοῦς ἐνὶ νῆϊ // ἦνις ἡκέστας ἱερευσέμεν... может быть древним; правдоподобно указание на годовалость телочек, но все осталь-

²⁶ Я. Ваккернагель рассматривал долгий гласный в ἦνις как отражение ступени вриддхи ‘годовалая’ от корня, представленного в слове ἔνος (Wackernagel 1955: 1171–1172, особенно 1171, прим. 1).

²⁷ Вильям Вайатт при разборе формы ἡκέστας разбирает и прилагательное ἡνεμόεις (Wyatt 1969: 72–73), где *ā- > ē-, подчеркивая (с. 73), что к *ā-privativum* этот пример отношения не имеет; предложенная Вайаттом интерпретация *νῆκεστός как результата контаминации с νῆκεστός ‘неисцелимый’, насколько я знаю, не была принята. Если думать о значении κεντέω, отличным от ‘колоть как прикасаться колющим предметом’, можно было бы подумать (ср. Kazansky 2022: 214) о πολυκεστός ἰμάς ‘расшитый ремешок’ (Il. 3, 371) и вспомнить, что в ряде языков оплодотворение обозначается как *вязка*.

ное вызывает недоумение и подталкивает к попыткам конъектуральной критики. Так, Эд. Швицер (Schwyzer 1931: 213) предложил исправление (βοῦν) ἦνιν νηκέστην, опираясь на βοῦν ἦνιν ... ἀδμήτην, ср. *Il.* 10. 292 и *Od.* 3 382, где также почти дословно повторяются три стиха, относящиеся к описанию ритуала жертвоприношения телки с предварительным золочением рогов:

σοὶ δ' αὖ ἐγὼ ῥέξω βοῦν ἦνιν εὐρυμέτωπον
ἀδμήτην, ἦν οὐ πω ὑπὸ ζυγὸν ἤγαγεν ἀνήρ·
τήν τοι ἐγὼ ῥέξω χρυσὸν κέρασιν περιχέυας. (*Il.* 10. 292)

В жертву тебе принесу я широкочелустую краву,
Юную, выя которой еще не склонялась под иго;
В жертву ее принесу я, с рогами, облитыми златом.
(Пер. Н. И. Гнедича)

σοὶ δ' αὖ ἐγὼ ῥέξω βοῦν ἦνιν εὐρυμέτωπον,
ἀδμήτην, ἦν οὐ πω ὑπὸ ζυγὸν ἤγαγεν ἀνήρ·
τήν τοι ἐγὼ ῥέξω χρυσὸν κέρασιν περιχέυας." (*Od.* 3 382)

Широколобую в жертву тебе годовалую телку
Я принесу, под ярмом не бывавшую в жизни ни разу.
Позолотив ей рога, я тебе принесу ее в жертву.
(Пер. В. А. Жуковского)

Конъектура Швицера исправляет морфологию флексии, показав, что форма возникла из неверного членения текста. С точки зрения звукописи стиха идея Швицера замечательна: восстанавливается в этом слове искусственное, но в эпосе известное отрицание νη- (ср. νη-κερδής ‘неприбыльный’, etc.). Как только мы перевели множественное число в единственное, морфология проясняется, что представляется удачным и Шантрону и Керку (Kirk 1990: 168). Однако нельзя не заметить, что попытка заменить в эпическом тексте, описывающем общество демонстративного потребления, дюжину коров на одну телку выглядит не слишком убедительно²⁸, особенно учитывая, что двенадцать коров в этом эпизоде так и названы трижды.

Годовалость важна и правдоподобна, однако получить в начале слова ἦ- исходя из корня *H₁ep- можно только 1) если следовать интерпретации Я. Ваккернагеля и видеть в слове отражение ступени вриддхи,

²⁸ Керк специально подчеркивает (1990: 168) значимость числа 12 для греческой культуры.

или 2) считать, что сам корень взят в нулевой ступени, а перед ним идет частица, указательное местоимение или числительное так, как мы это наблюдаем в таких композитах как διένο-ς ‘двухлетний’, ἐπτά-ενο-ν·ἐπταετή Н., τετρά-ενο-ς (Call.); и с основой на -s в τετρά-ενες [n.] (Theoc. 7, 147), ἕλ-ενες εἰς τετάρτην. Тогда значение будет соответствовать русскому *сеголётки* (мн. ч. от *сеголётка*, *сеголётки*)²⁹, а словообразование отражает соединение корня *Н₁еп- со значением ‘год’ и древней (местоименного происхождения) анафорической частицей *é-³⁰. Таким образом, реконструируя сложение *é- с корнем *Н₁еп- в нулевой ступени огласовки, мы получаем *(Н₁)е-Н₁п- > *ēп- и при оформлении основы с помощью -i-³¹ получаем ἦνις со значением ‘сеголеток, животное первого года, однолетнее животное’³².

Такого рода образования были популярны в греческом языке еще в домикенский период, ср. наречие, восходящее к форме прилагательного среднего рода (Aura Jorro II: 455) в микенском za-we-te (KN Fh 5451.a; PY Ma 225.2a) и прилагательные za-we-te-ra (KN Ga 518.a), za-we-te-ro (KN Gg 5637.2). Последнее по значению противопоставлено re-ru-si- [‘прошлого года’ строкой выше в том же документе KN Gg 5637.1. Этимологически za-we-te /zā-wet-es/ восходит к основе указательного местоимения *kīā-, участвовавшего также в образовании *kīāmeron > σήμερον ‘сегодня’. Любопытную параллель представляет собой русский диалектный композит *лонёдни*, напоминающий о древнегреческих композитах так же, как и в *лони годы* (СРНГ 17: 127).

²⁹ Ср. объяснения «Сеголетки — молодняк (рыбы, зверя и т.п.) текущего года» (ССРЛЯ 13: 561) и более или менее случайные примеры из интернета: «Возраст лосей... можно определить в пределах трех возрастных групп: сеголетки, лоси полутора лет и лоси взрослые...»; «Сеголетка — это молодой кабан, который родился менее года назад»; «Сеголеток — это рыбка, прожившая первое лето после своего рождения (сего лета). К весне следующего года сеголеток становится годовиком, а ко второй своей осени — двухлетком (прожито два лета)». Благодарю Н. Л. Сухачева за это слово, отсутствовавшее в моем словарном запасе.

³⁰ Ср.: «Die anaphorische Partikel *é ist wohl die Ableitungsbasis des anaphorischen Pronominalstamms *e» (Dunkel 2014: 182).

³¹ П. Шантрен определяет в этом слове основу на -ī как это показывает аккузатив мн. ч. ἦνις. Он предпочитает также видеть и в аккузативе ед. ч. долгое ī, хотя большая часть рукописей отражает ĭ, создающее, впрочем, метрические трудности (Chantraine 1942: 207–208 и прим. 1).

³² В примечании к этому пассажи А. С. Николаев написал: «Эта идея напоминает мне о хетт. šāwitišt- / šaudišt- ‘теленки до года’, согласно Саре Кимбалл, состоящем из основы указательного местоимения *so- и слова для года *cetes». Именно этому решению отдает предпочтение А. Клоххорст, см.: Kloekhorst 2008: 853–854.

Не исключено, что **-ā-* в **kjā-ūetes* (ср. алб. *si-vjet* ‘этот год’ < лос. sg. **k’icj cetej*) обязано своим появлением влиянию **kjāmeron*³³. Микенская форма находит прямое отражение в диалектах I тыс. до н. э., ср. наречие *σῆτες* (ионийская форма³⁴ согласно ЕМ 7.44), дорийское *σᾶτες* ‘в этом году’, включая тавтологическое *ἐς τὸν σᾶτες ἐνιαυτὸν* IG 14. 256. 9 (Gela), аттическое наречие *τῆτες* ‘в этом году’, ср. *ἡ τῆτες ἡμέρα* ‘в этот день’ (LSJ 1789), хетт. *wett-/witt* ‘год’ (gen.sg. /*wet-s/*, dat.-loc. *ú-i-it-ti*), санскр. *par-út* (с окситонезой, свойственной наречиям), греч. *πέρυσι* ‘в прошлом году’. Сергио Нери, подробно рассмотрев данные примеры (Neri 2017: 187–190), говорит о возможном сценарии развития: древнее и.-е. корневое имя **u̯ét-/u̯ut-* (амфикинетический тип склонения) в форме лос. sg. **u̯ét(-i)* получает форму **u̯et-ét* с аналогическим корневым аблаутом.

* * *

Р. Фюрер для слова *ἦνις* (Führer 2) без особой уверенности («viell.») принимает значение ‘однолетняя’, определяет его как эпическое и древнее, возможно восходящее к сакральной архаической практике. К этому же типу лексики он относит и *ἦκεστος*, для которого он (Führer 1) приводит данные схолиев, толкующих *ἦκεστας* как *ἀκεντήτους* ‘не знавших стрела’, *ἀδαμάστους* ‘непорочных’, и не случайно приводит перевод, который дал Цаннетатос (Τζαννετᾶτος): ‘ἡ μήπω ταύρωι μεμεγμένη’, подчеркивая, что схолии говорят о годовалых телках, еще не запускавшихся (т. е. не покрытых). Как кажется, предложенная этимология *ἦνις* < **é-H₁n-i-* позволяет объяснить первую стопу в стихе, который по форме может оказаться древним настолько, что его уже плохо понимали во времена Гомера. Такие окаменелые формульные сочетания, плохо поддающиеся интерпретации, в гомеровском эпосе встречаются, и понять их бывает исключительно трудно. Известны случаи, когда в них происходят фонетические изменения. Если вслед за Р. Фюрером рассматривать *ἦνις ἦκεστας* как древнее словосочетание, возможно возвести его к первоначальному **ēnins nēkestans*, в котором на стыке слов произошло чисто фонетическое упрощение группы *-nsn- > -s*.

То объяснение, которое дал Эд. Швицер для *ἦκεστας* как отражающего **νῆκεστας*, вполне правдоподобно, поскольку *νῆ-* (дор. *vā-*) представлено

³³ Против этого выступал Brent Vine (Vine 2009: 222), считающий исконной и древней форму **kjā-ūetes*.

³⁴ Ср. загадочное *σῆτειος: νέος* (Hsch.), которое предлагали исправить на *σῆτάνιος*.

как привативный префикс в $\nu\eta$ - $\kappa\epsilon\rho\delta\acute{\eta}\varsigma$ ‘беспольный’, $\nu\eta$ - $\pi\epsilon\nu\theta\acute{\eta}\varsigma$ ‘утоляющий страдания’ (*Il.*), по своему происхождению восходит к и.-е. отрицанию *n-, за которым следует группа согласных «ларингальный+смычный». В результате переосмысления морфемной границы в греческом языке появилось самостоятельное отрицание $\nu\eta$ -, уже не зависящее (как в двух приведенных примерах) от этимологии и присоединявшееся к словам, просто начинавшимся с согласного.

Очевидно, что в момент создания стиха $\acute{\epsilon}\nu\iota\ \nu\eta\tilde{\omega}$ // $\acute{\eta}\nu\iota\varsigma$ уже отчетливо перекликались на уровне звукописи, что предполагает создание стиха в период после завершения развития формы $\nu\acute{\alpha}\tilde{\Gamma}\tilde{\omega}$ > $\nu\eta\tilde{\omega}$, то есть здесь наблюдается уже фонетическое оформление лексем, свойственное ионийскому диалекту.

Отдельного разбора заслуживают обозначения повторяющихся явлений в календарном осмыслении.

Сельскохозяйственный год представляет собой солнечный год, который мог иметь определенное ритуальное значение, связанное с началом плодородного цикла, как это было в Риме, где Марс как божество вегетативного цикла дал имя месяцу марту, первому в новом году. При этом хорошо известно, что на праиндоевропейском уровне восстанавливается именно лунный месяц.

Особого внимания заслуживает регулярно повторяющееся новое (например, ‘новолуние’), то есть молодой месяц в противовес старой луне. В пределах дней месяца определенные дни могли иметь ритуальное значение³⁵ не только потому, что выделялись фазы луны, но и потому что молодой и старый месяц маркировались в народной культуре. Не случайно именно на примере смены фаз луны отчетливо прослеживается противопоставление старого и нового: новолуние воспринимается как начало при отсчете времени по всей Греции (греч. $\nu\epsilon\omicron\mu\eta\nu\acute{\iota}\alpha$, $\nu\omicron\mu\eta\nu\acute{\iota}\alpha$) и прослеживается в диалектных вариантах достаточно широко (например, обычное для беотийского диалекта фонетическое развитие (Bechtel 1921: 234), отраженное в написаниях $\nu\omicron\mu\epsilon\iota\nu\acute{\iota}\alpha$, $\nu\omicron\mu\epsilon\iota\nu\acute{\iota}\omicron\varsigma$, $\nu\omicron\mu\epsilon\iota\nu\acute{\iota}\omicron\varsigma$, ср. очерк: Buck 1955: 42.5a). Для примера приведу беотийскую надпись: $\Delta\alpha\mu\alpha\tau\rho\acute{\iota}\omega\ \nu\omicron\mu\epsilon\iota\nu\acute{\iota}\eta\ \pi\epsilon\tau\acute{\alpha}\rho\tau\eta\ \acute{\epsilon}\lambda\epsilon\psi\acute{\alpha}\phi\iota\delta\delta\epsilon\ \kappa[\alpha]\phi\iota\sigma\delta\delta\omega\rho\omicron\varsigma\ \Delta\iota\omega\nu\sigma\acute{\iota}\omega$. «В пятый день новолуния в месяц Деметры Кефисодор сын Дионисия вынес на голосование...» (Buck 1955: 43, 40–41). Наряду с новым/молодым месяцем в разных традициях известны указания на старый (убывающий месяц). Та-

³⁵ Ср. эпитет Аполлона Νεομήνιος Beiname des Apollo (Pape, Benseler: s.v.).

кой последовательный (возобновляемый) переход *старого* в *новое* и наоборот, хорошо представлен, например, в русской традиции как *ветхий месяц*, арх. *месяц на ветху́, ветхо́* ‘последняя четверть месяца’ (Аникин 2013: 62–64). Такой отсчет по фазам луны присущ древним культурам.

В аттическом диалекте в Афинах определение фаз луны как *старых-новых* хорошо документировано (ср.: IG I . 374. 276, Ag. Nu. 1134s., Lys. 23.6) и фиксируется, если верить Диогену Лаэртию, начиная с Солона: Πρώτος δὲ Σόλων τὴν τριακάδα ἔηνν καὶ νέαν ἐκάλεσεν. (D. L. I. 58)³⁶.

Оценка по принципу *старое-новое* может отличаться в зависимости от языкового и культурного ареала. При этом необходимо помнить, что *новое* (**ne-*) — как противопоставленное старому и устоявшемуся — всегда обладает большей экспрессивностью, что объясняет, в частности, и большую частотность употребления слов, обозначающих это понятие.

Следует также обратить внимание на то, что начиная с древнерусского периода *ветхыи* передает греч. *παλαιός*, ср. *ВЕТХЫИ ЗАВѢТЬ* = ἡ παλαιὰ διαθήκη = *vetus testamentum*, а также такие выражения как *ветхыи денми* = *παλαιὸς ἡμέρων* = *antiquus diegum* (Аникин 2013: 64).

Рассмотренный нами материал можно представить в виде таблицы, особенно отметив случаи, когда к корням добавлена приставка **re-*.

и.-е. корень	приставка	форма корня	флексия	перевод слова
* <i>uet-</i>	греч. <i>πέρ-</i> др.-сев. <i>fjor-</i> армян. <i>her-</i> санскр. <i>par-</i>	-υσ-ι < * <i>ut-</i> i -δ ³⁷ -u -út	-ι ∅ ∅ ∅	‘в прошлом году’ ‘в прошлом году’ ‘в прошлом году’ ‘в прошлые годы’
* <i>H₁en-</i> рус. ЛО-НИ	лит. <i>ré-</i>	-n- < * <i>H₁n-</i> -H-	-ai -И	‘в прошлом году’ ‘в прошлом году’
* <i>sen-</i>	лат. <i>re-</i> лит. <i>ré-</i>	<i>sen-</i> <i>sen-</i>	-ex -is	‘престарелый’ ‘совсем старый’

³⁶ «Солон впервые назвал тридцатый день месяца старым и новым», поскольку «лунный месяц состоял из 29,5 суток, так что 30-й день причислялся наполовину к старому месяцу, наполовину к новому» (пер. и комм. М. Л. Гаспарова).

³⁷ Форма *fjorð* является прямым отражением прагерм. **ferudi*, в свою очередь восходящим к и.-е. **peruti* в соответствии с законом Вернера.

Как можно было видеть, в отличие от более или менее единого обозначения для *нового*, для обозначения *старого* и устоявшегося используется несколько метафор, подчеркивающих либо 1) 'изначальность' ($\acute{\alpha}\rho\chi\alpha\acute{\iota}\omicron\varsigma$ от глагола $\acute{\alpha}\rho\chi\omega$ 'начинать, начальствовать'), либо 2) 'древность как прошлое, которое можно наблюдать' (ср. лат. *antiquus* и родственные ему лат. *ante*, греч. $\acute{\alpha}\nu\tau\acute{\iota}$, хетт. ḫant- 'лоб'), либо 3) 'завершение', предполагающее временную «исполненность» ($\pi\acute{\alpha}\lambda\lambda\alpha$ из застывшей формы дательного падежа * $\text{plH}_2\text{-eI}$).

Эти случаи отличаются от лат. *vetus* 'старый', отражающего в основе своей идею 'прошлогодности' и 'ветхости'. Такой семантический переход известен в случае с лат. *vetus, veteris* ст.-слав. **вѣтъхъ** 'старый' при греч. $\acute{\epsilon}\tau\omicron\varsigma, \acute{\epsilon}\tau\epsilon\omicron\varsigma$ п. 'год'. Не может быть сомнений в том, что здесь в основе семантического развития лежит именно идея прошлого года, поскольку существительные среднего рода с исходом основы на *-es-/os архаичны, а латинские и славянские имена прилагательные отражают идею годичной давности. Очень важно отметить, что в случае с греч. $\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ речь отчетливо идет о понимании старого как прошлогоднего³⁸. Внутренняя форма греческого прилагательного позволяет понять семантический перенос лат. *senex*, лит. *senas* и проч., а близость обозначения года с помощью корней **sen-* и * $\text{H}_1\text{en-}$ заставляет полагать, что оба они отражают один и тот же древний корень *(s) $\text{H}_1\text{en-}$ 'год', значение которого развилось в обозначение старого и ветхого. Поскольку эти корни отличаются только начальным s-mobile, есть возможность реконструировать единый корень *(s) $\text{H}_1\text{en-}$ 'год, прошлогодний'.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин 2013 — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Т. 7. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2013.
- Вейсман 1991 — Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. (Репринт V-го изд. 1899 г.).

³⁸ Мэллори и Адамс сюда же помещают «Another word for year' was *(H_1) $\text{y}\acute{\epsilon}\rho\omicron$ /eHa- (e. g. Lat. *hörnus* 'of this year', NE 'year', OCS *jara* 'spring', Grk *hōros* 'time, year', Luv *āra/i-* 'time', Av *yāra* 'year') which overlaps both the notion of 'time' in general and that of 'new season'» (Mallory, Adams 2006: 302). Представляется важным подчеркнуть, что данный корень и его производные подробно разобраны А. С. Николаевым (Николаев 2010: 19–49), который резонно восстанавливает в качестве первоначального значение 'время года'.

- Десницкая 1984 — *Десницкая А. В.* Сравнительное языкознание и история языков. Л.: «Наука», Ленинградское отделение, 1984.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Лома 2017 — *Лома А.* К вопросу о и.-е. *-tro-, *-dhro- в праславянском // *Jezi-koslovni zapiski. Ob jubileju Ljubov Viktorovne Kurkine.* 2017. Т. 23. № 2. С. 171–197.
- Николаев 2010 — *Николаев А. С.* Исследования по праиндоевропейской именной морфологии. СПб.: Наука, 2010.
- СРНГ 17 — *Словарь русских народных говоров.* Вып. 17. Л.: Наука, 1981.
- ССРЛЯ 13 — *Словарь современного русского литературного языка* Т. 13. М.; Л.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва АН СССР в Л., 1962.
- Топоров 2012 — *Топоров В. Н.* Пиндар и Ригведа. Гимны Пиндара как основа реконструкции индоевропейской гимнической традиции. М.: РГГУ, 2012.
- Фасмер 4 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. (Т–ящур) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987.
- ЭССЯ 8 — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд* / Под ред. чл.-корр. О. Н. Трубачева. Вып. 8. М.: Наука, 1981.
- Aura Jorro II — *Aura Jorro F.* Diccionario Micénico. Vol. II. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1993.
- Bechtel 1914 — *Bechtel Fr.* Lexilogus zu Homer. Etymologie und Stammbildung homerischer Wörter. Halle a. d. S.: Max Niemeyer, 1914.
- Bechtel 1921 — *Bechtel Fr.* Die griechischen Dialekte. Bd. 1. Der lesbische, thessalische, böotische, arkadische und kyprische Dialekt. Berlin: Weidmann, 1921.
- Beekes 2010 — *Beekes R.* Etymological Dictionary of Greek, with the assistance of L. van Beek. Vol. I–II. Leiden; Boston, 2010.
- БК 2008 — *Homers Ilias. Gesamtkommentar (Basler Kommentar / BK) auf der Gründe der Ausgabe von Ameis-Hentze-Cauer (1868–1913) / Hrg. von A. Bierl und J. Latacz. Generalredaktion M. Stoevesandt.* Bd. IV. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2008.
- Brugmann 1903–1904 — *Brugmann K.* Beiträge zur germanischen und slavischen Wortforschung // *Indogermanische Forschung.* 1903–1904. Bd. 15. S. 87–104.
- Buck 1955 — *Buck C. D.* The Greek Dialects. Grammar, Selected Inscriptions, Glossary. Chicago, 1955.
- Chadwick 1976 — *Chadwick J.* The Etymology of Greek πάλαι // *Glotta.* 1976. Bd. 54. S. 68–71.
- Chantraine 1933 — *Chantraine P.* La formation des noms en grec ancien. Paris: Champion, 1933.

- Chantraine 1942 — *Chantraine P.* Grammaire homérique (Phonétique et morphologie). Paris: Klincksieck, 1942.
- de Vaan 2008 — *de Vaan M.* Etymological Dictionary of Latin and the Other Italic Languages / Ed. by A. Lubotsky. Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Del Freo 2005 — *Del Freo M.* L'expression *ka-ko na-wi-jo* de la tablette Jn 829 de Pylos // *Emporia. Aegeans in the Central and Eastern Mediterranean. Proceedings of the 10th Aegean conference, 14–18 April 2004. II* / Eds. R. Laffineur, E. Greco. Université de Liège, University of Texas in Austin, 2005. P. 793–803. (*Aegeum* 25. *Annales d'archéologie égéenne de l'Université de Liège et UT-PASP*).
- DELG — *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Vol. 1–5 [pagination continue]. Paris: Klincksieck, 1968–1980.
- Dunkel 2014 — *Dunkel G. E.* Lexikon der indogermanischen Partikeln und Pronominal-Stämme. Bd. 2. Lexikon. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2014.
- Ernout, Meillet 2001 — *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4ème éd. par J. André. Paris: Klincksieck, 2001.
- Falileyev 2000 — *Falileyev A.* Etymological Glossary of Old Welsh. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2000.
- Frisk 1970 — *Frisk Hj.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. II: Κρ–Ω. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag, 1970.
- Führer 1 — *Führer R.* ἤκεστ(ος) // LfGE. S. 904.
- Führer 2 — *Führer R.* ἦνις // LfGE. S. 925.
- Kazansky 2022 — *Kazansky N. N.* A Rudimentary Motif in Greek Epic (Pylos Combat Agate and the *Iliad* 3. 369–376) // *Philologia Classica*. 2022. Vol. 17. Fasc. 2. P. 202–224.
- Kirk 1990 — *Kirk G.* The *Iliad*: A Commentary / General ed. G. Kirk. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Kloekhorst 2008 — *Kloekhorst A.* Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 5). Leiden; Boston: Brill, 2008.
- Leukart 1994 — *Leukart A.* Die frühgriechischen Nomina auf -tas und -as. Untersuchungen zu ihren Herkunft und Ausbreitung (unter Vergleich mit den Nomina auf -eús), herausgegeben von Sigrid Deger-Jalkotzy. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1994.
- LfGE — Lexikon des frühgriechischen Epos / Begründet von B. Snell; hrsg. vom Thesaurus Linguae Graecae. Bd. 1. Göttingen, 1955.
- LIV — Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstamm-bildungen / Unter Leitung von H. Rix... bearbeitet von Kummel M., Zehnder Th., R. Lipp, B. Schirmer, 2. Auflage. Wiesbaden: Reichert. 2001.

- LS* — A Greek-English Lexicon / comp. by H. G. Liddel, R. Scott. Oxford, 1883.
- LSJ* — A Greek-English Lexicon / comp. by H. G. Liddel, R. Scott, rev. by H. S. Jones. Oxford, 1968.
- Mallory, Adams 2006 — *Mallory J. P., Adams D. Q.* The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and Proto-Indo-European World. Oxford: OUP, 2006.
- Matzinger 2000 — *Matzinger J.* Armenisch ark'ay 'König': Ein etymologischer Versuch // Historische Sprachforschung. 2000. Vol. 113. S. 283–289.
- Neri 2017 — *Neri S. Wetter.* Etymologie und Lautgesetz. Università degli Studi di Perugia, 2017.
- Nikolaev 2022 — *Nikolaev A.* Notes on Greek primary comparatives // Verus convictor, verus academicus. К 70-летию Н. Н. Казанского / Отв. ред. М. Л. Кисилиер. СПб.: ИЛИ РАН, 2022. P. 549–563.
- NIL* — *Wodtko D. S., Irslinger B., Schneider C.* Nomina im indogermanischen Lexikon. Heidelberg: Winter, 2008.
- OLD* — Oxford Latin Dictionary / Ed. by P. G. W. Glare. Oxford, 1968–1982.
- Pape, Benseler — *Pape W., Benseler G. E.* Wörterbuch der griechischen Eigennamen. 3. Aufl. Braunschweig, 1875.
- Perpillou 2002 — *Perpillou J.-L.* Animaux d'un an // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. 2002. T. LXXXVI. No 2. P. 233–241.
- Rau 2007 — *Rau J.* The Derivational History of Proto-Germanic *wiþru- 'lamb' // Verba docenti. Studies in historical and Indo-European linguistics presented to Jay H. Jasanoff by students, colleagues, and friends / Ed. Alan J. Nussbaum. Ann Arbor; New York: Beech Stave Press, 2007. P. 281–292.
- Schaffner 2021 — *Schaffner St.* Armenisch ark'ay 'König', griechisch ἀρχω 'beginne, herrsche' und indoiranisch *arijá- 'Herr; Arier' // Studies in General and Historical Linguistics offered to Jón Axel Hardarson On the Occasion of his 65th Birthday / Ed. by M. Tarsi. Innsbruck, 2021. P. 387–402.
- Schwyzler 1931 — *Schwyzler Ed.* Drei griechische Wörter // Rheinisches Museum. 1931. Bd. 80. S. 209–217.
- Schwyzler 1939 — *Schwyzler Ed.* Griechische Grammatik. Bd. I. München: C. H. Beck Verlag, 1939.
- Szemerényi 1987 — *Szemerényi O.* Etyma Graeca, I. // *Szemerényi O.* Scripta Minora. Selected Essays in Indo-European, Greek, and Latin. Vol. III: Greek. Innsbruck, 1987. P. 1196–1219. (Первая публикация: Die Sprache. 1965. Vol. 11. S. 1–24).
- Treu 1968 — *Treu M.* Von Homer zur Lyrik. Wandlungen des griechischen Weltbildes im Spiegel der Sprache. 2. durchgesehene Auflage. München: C. H. Beck, 1968.
- Wackernagel 1955 — *Wackernagel J.* Akzentstudien III. Kleine Schriften. Bd. 2. Göttingen: Kommissionsverlag Vandenhoeck und Ruprecht, 1955. S. 1154–1188.

- Wine 2009 — *Wine B. A Yearly Problem // East and West. Papers in Indo-European Studies / eds. K. Yoshida, B. Wine. Bremen: Hempen Verlag, 2009. P. 205–224.*
- Wyatt 1969 — *Wyatt W. F. Jr. Metrical lengthening in Homer. Roma: Edizioni dell'Ateneo, 1969.*

Nikolai N. Kazansky (Saint Petersburg)

DESIGNATION OF *NEW* AND *OLD* IN ANCIENT GREEK
(ON INDO-EUROPEAN BACKGROUND)

ABSTRACT: The article considers lexemes denoting ‘old’ and ‘new’ in Ancient Greek. The notion of *new* (*néu-os) is always marked and stable; the meaning *old* is conveyed in different ways and contains metaphorical transfer *initial* > *old* or semantic development *last year* > *old*. It is suggested that the IE roots *sen- and *H₁en- should be combined into *s-H₁en-, i.e. to assume s-mobile for the root *sen-. The parsing of Greek words containing reflexes of the root *H₁en- (δί-ενο-ς ‘two-year-old’, glossa ἐπτά-ενο-ν- ἑπταετηῆ, τετρά-ενο-ς) allows the hypothesis that in Greek βούς ... ἦνις ‘year-old heifer’ (base in -ī, acc.pl. ἦνις) should also be seen as a composite involving the ancient pronoun *é-: *é-H₁n- > ἦν-ις with the meaning corresponding to Russian *сеголётка*. Following R. Führer, it is proposed to consider ἦνις ἡκέστας as an ancient word combination, possibly going back to the original *ēnins nēkestans with simplification of the -nsn- group to -s. Special attention is paid to the regularly recurring *new*, connected in particular with the phases of the moon (cf. ‘new-moon’).

KEYWORDS: Indo-European languages; the concept of *old* and *new*; *old* as *last year*’s; etymology of the PIE *sen- as *s-H₁en-; Gk βούς ... ἦνις.

NOTE ON THE AUTHOR: Nikolai N. Kazansky, Dr.Sc. (Philology), Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of Indo-European Department of the Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences; Professor at St. Petersburg State University; Chief Research Fellow at the Russian State University for the Humanities.

E-mail: nkazansky@iling.spb.ru

ORCID: 0000-0002-9279-9539.

РЕЗЮМЕ: В статье рассмотрены лексемы, обозначающие ‘старое’ и ‘новое’ в древнегреческом языке. Понятие *нового* (*néu-os) всегда маркировано и

устойчиво; значение *старое* передается разными способами и содержит метафорический перенос *начальный* > *старый* или семантическое развитие *прошлогодний* > *старый*. Предлагается объединить и.-е. корни *sen- и *H₁en- в *s-H₁en-, то есть предполагать s-mobile для корня *sen-. Разбор греческих слов, содержащих рефлекс корня *H₁en- (δί-ενο-ς ‘двухлетний’, глосса ἐπτά-ενο-ν· ἐπταετῆ, τετρά-ενο-ς), позволяет высказать гипотезу, согласно которой в греч. βους ... ἦνις ‘годовалая телка’ (основа на -ī, асс.pl. ἦνις) также следует видеть композит, включавший древнюю местоименную частицу *é-: *é-H₁n- > ἦνις со значением, соответствующим рус. *сеголётка*. Вслед за Р. Фюрером предлагается рассматривать ἦνις ἡκέστας как древнее словосочетание, возможно, восходящее к первоначальному *ēnins nēkestans с упрощением группы -nsp- до -s. Особое внимание уделено регулярно повторяющемуся *новому*, связанному в частности, с фазами луны (ср. ‘ново-луние’).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: индоевропейские языки; понятие старого и нового; старое как прошлогоднее; этимология и.-е. корня *sen- как *s-H₁en-; греч. βους ... ἦνις.

ОБ АВТОРЕ: Николай Николаевич Казанский, академик РАН, д. ф. н., научный руководитель Института лингвистических исследований РАН, профессор СПбГУ, главный научный сотрудник РГГУ.

E-mail: nkazansky@iling.spb.ru

ORCID: 0000-0002-9279-9539.